

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ, ТРИДЦАТЬ СЕРЕБРЕННИКОВ И НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)¹

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 4 августа 2022 г.

Аннотация: в статье анализируются пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок», «Женитьба Бальзамина», «Бесприданница» в контексте учения свт. Тихона Задонского о богатстве и бедности. Подчеркивается, что А. Н. Островский явился не только создателем русского театрального стиля, но и наследником свт. Тихона Задонского, развивающим в своих творениях евангельские темы, идеи и образы.
Ключевые слова: свт. Тихон Задонский, А. Н. Островский, добро и зло, христианская мораль, золотой телец, конфликт, завязка, развязка, действие, драма, комедия, система ценностей.

Abstract: the article analyzes the plays of A. Ostrovsky "Poverty is not a vice", "The Marriage of Balzaminov", "The Penniless" in the context of the teachings of st. Tikhon of Zadonsk on wealth and poverty. It is emphasized that A. Ostrovsky was not only the creator of the Russian theatrical style, but also the heir of st. Tikhon of Zadonsk, who develops gospel themes, ideas and images in his creations.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, A. Ostrovsky, good and evil, Christian morality, golden calf, conflict, the beginning of the action, denouement, action, drama, comedy, value system.

В Евангелии от Луки Иисус Христос следующим образом отвечает ученикам на вопрос о спасении. Приведем этот диалог полностью:

«И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог; знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою.

Он же сказал: все это сохранил я от юности моей.

Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного не достаёт тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.

Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат.

Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Слышавшие сие сказали: кто же может спастись?»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44191 «Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве»

Но он сказал: невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 18–27).

В своем труде «Об истинном христианстве» свт. Тихон Задонский, развивая евангельскую тему, уделяет значительное место рассуждениям о богатстве и бедности в их отношении к спасению человеческой души. Он пишет: «Сам рассуди, христианине, сколько таковых имеется, которые, в благополучии и веселости живучи, развратились и, как кони, на своей воле разгулялись и рассвиrepели, и погибли, что повседневно пред глазами нашими обращается. Весьма мало благочестия в богатых и славных мира сего примечается: гордость, скупость, самолюбие, роскошь и едино только почти плотоугодие видится, — что не к иному чему, как к погибели ведет...» [1, 275].

Богатство — великое искушение, и если Господь отлучает человека от него, то надо благодарить Создателя за заботу о твоей душе. «Великое добро есть скорбь», — писал свт. Иоанн Златоуст. Свт. Тихон Задонский продолжает: «Великое добро: яко смиряет нас, яко пресекает путь к плотоугодию и погибели, яко исправляет нас, ведет к покаянию и обращает к Богу, и тако отводит от погибели, и поставляет на пути к вечному животу. Великую и милость делает с нами Отец небесный, когда посылает на нас скорби и напасти» [1, 275].

Свт. Тихон Задонский жил в историческую эпоху, которая предшествовала бурному развитию капитализма в России. Культ денег, наживы, ростовщичества, вседозволенности в достижении земных благ, обла-

дание ими как цели существования стремительно набирал оборот. Святой пророчески предчувствовал, в какие дьявольские бездны греха заведет это почти всеобщее поклонение золотому тельцу, рабское служение денежному мешку и в связи с этой подменной ценностей — предательство христианских идеалов за те же тридцать серебрянников. Свт. Тихон в своем труде посвятил этой теме целый параграф, названный «Утешение противу нищеты». Он писал: «Мало, весьма мало богатых обретается, которые бы были истинными христианами. Не богатство тому виновно, но злое сердце человеческое, которое или неправдою собирает богатство, или правдою собранное несправедливо расточает, или хранит его как сторож. К тому ж едва сыщется какой богач, который бы о богатстве своем не гордился и не превозносился тем, хотя то не его оно есть, но Божие. Все бо Божие есть, что ни имеем, кроме грехов» [1, 293–294].

Богатые люди подвергаются неизмеримо большим искушениям, чем бедные; они могут удовлетворять свои страсти и служить им с размахом и масштабом, которых лишены неимущие. Ведь богатство — дар Божий, и если человек употребляет его во зло, то с ним случается то же, что и с любым талантом, когда он употребляется не для пользы ближнего, а для собственной славы, похвалы и корысти. «А когда нет христианского расхода в богатом, то нет в нем и истинного христианства», — замечает свт. Тихон Задонский. Богачи, по-христиански расходующие свои накопления, являются исключением из правил. По большей части истинные христиане живут в нищете и убожестве. Причина этому — взыскание Царствия Небесного, отсутствие попечения о телесном и временном, довольство малым, поскольку именно эта житейская ситуация наиболее благоприятна для спасения души. Во времена свт. Тихона расслоение общества на богатых и бедных было весьма ощутимо, он сам в детстве пережил крайнюю бедность, его чуть было не продали в рабство ямщику. Но какое же утешение он предлагает тем, которые терпят и «скучают» в нищете? Нищета посылается Богом для нашего доброго конца, так как от всех тех зол, которые окружают богатых, можно «удобно освободиться». Гордость, скупость, роскошь и т.п. в нищете не имеют себе места. Нищета может достичь главного, чего жаждет христианин и что достигается порой с величайшим трудом, — смирения: быть щедрым и роскошным нищему не от чего. Нищий свободен от страха потерять богатство, он не боится ни воров, ни хищников, ни тли, ни моли, ни зависти. На Страшном Суде нищий не готовит ответа за расточение богатства, тогда как богатые за свое корыстолюбие будут истязаны. Но еще более целебной предстает нищета в том аспекте, что она не позволяет жить в лености и праздности, а способствует развитию трудолюбия. Смерть уравнивает бедного и богатого, только последний заканчивает свои дни в печали и страхе, а нищий — без страха и печали. Наи-

более сильный акцент делается свт. Тихоном в рассуждениях о посмертной участи одного и другого: «И когда бы на всемирном суде равно судимы были! Но нет, не будет этого... Следует богатому дать ответ Судии о богатстве своем, како и на что богатство, данное ему от Бога, держал и расход чинил... Нищий о том не печется: не имеет богатства, не готовит и ответ о расходе богатства. Видишь, что ни богатство не придает, ни нищета не отнимает истинного блаженства от нас, паче же делает нас блаженнейшими от богатых. Ибо истинное блаженство не состоит во внешнем виде, но в покое душевном, от которого богатство отводит, но нищета к тому руководствует, как сказано выше» [1, 295].

Сама земная жизнь Иисуса Христа дает неколебимые основания для утверждений подобного рода: Сын Божий был вольным нищим. Добровольными нищими были и Апостолы Христовы. Все люди — странники и пришельцы, путники в мире сем, а их истинный дом и отечество — на небесах. Свт. Тихон заключает: «Туда нам предпосылать сокровища наша должно, сокровища не мира сего, но оногo отчества достойное: любовь, терпение, кротость, милосердие и пр.» [1, 296].

Все вышесказанное, приведенные из книги свт. Тихона Задонского «Об истинном христианстве» цитаты весьма актуальны для нашего времени, когда золотой телец и тридцать серебрянников вновь правят бал в земном мире, пытаясь вытеснить из него всякое упоминание об искупительной жертве Иисуса Христа, о вечном Царствии Небесном, которому будет предшествовать Апокалипсис и Страшный Суд. Но свт. Тихон Задонский интересен нам не только своими богословскими трудами. Он был одновременно и большим писателем, породившим традицию духовного осмысления той житейской эмпирики и конкретики, которая мощно заявила о себе в христианском реализме русской литературы «золотого» XIX века. В данной статье речь пойдет о драматургии А. Н. Островского, 200-летие со дня рождения которого будет отмечаться в 2023 году.

А. Н. Островского современники справедливо называли «Колумбом Замоскворечья». Действительно, купеческий мир России до него был представлен с такой полнотой и подлинным трагедийным размахом. Сами названия пьес: «Бедность не порок», «Доходное место», «Пучина», «На бойком месте», «Бешеные деньги», «Волки и овцы», «Бесприданница» и др. — говорят о постоянной сосредоточенности драматурга на теме влияния денег, богатства и славы на человеческие души.

А. Н. Островский страстно любил театр, написал около 50 пьес, работал как переводчик Шекспира и других зарубежных авторов, умер за письменным столом. Он был близок к славянофилам и по праву считается создателем русского национального театрального стиля. В то же время проблематику его драматургического наследия следует признать уникальной не только по-

тому, что она чрезвычайно созвучна нашему времени. А. Н. Островскому удалось на подмостках сцены развивать святоотеческий духовный подход к теме спасения души человека, который разрывается между христианской системой ценностей и жадной жаждой богатства. Трудам свт. Тихона Задонского в формировании мировоззренческих основ художественного мира писателя по праву принадлежит одно из первых мест. При этом оговоримся, что в данном случае неважно, насколько часто драматург открывал сочинения свт. Тихона, которые неоднократно переиздавались в XIX веке и которыми зачитывались Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и другие гении русской литературы. Для нас существенно типологическое сходство, обнаруживаемое при сравнении рассуждений свт. Тихона Задонского и образной системы, авторской позиции в мире А. Н. Островского. Действительно, почти вся палитра грехов и пороков, связанных с темой денег и отмеченных свт. Тихоном, получила свое отражение в пьесах великого драматурга. Обычно его творчество делят на четыре периода, указывая вектор восхождения ко все большему совершенству и мастерству. Но уже в ранней пьесе «Бедность не порок» можно отметить тот комплекс тем, идей и мотивов, который будет анализироваться им на протяжении всего творческого пути. Конфликт в этой пьесе начинается с того, что два купца Торцовы избирают и демонстрируют прямо противоположные жизненные принципы. Гордей Торцов, в облике которого западничество характеризуется как запредельное лакейство, считает себя чуть ли не олимпийским богом, поскольку он богат и чувствует свою власть над другими людьми. А его брат, промотавший свое состояние, Любим Торцов, становится добровольным нищим, стоящим на церковной паперти. Действие в пьесе держится на любовной интриге: приказчик купца Митя и дочь Гордея Любовь полюбили друг друга и хотят создать семью. Однако на пути их соединения встречаются почти непреодолимые препятствия: Митя беден, поэтому отец Любы не считает его за человека, а дочь из-под власти отца в патриархальной семье выйти не может. Показателен диалог купца и приказчика:

«Гордей Карпыч. Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому что она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай, сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пуцай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличая наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать!» [2, 123].

Диалог этот — ключевой для понимания духовного смысла пьес А. Н. Островского, в нем сталкиваются христианское отношение к жизни, в частности жертвенная любовь и забота о матери, и потребительская позиция

богатого человека, для которого бедные люди — только «низшая раса», рабы, не имеющие ни чувств, ни привязанностей, ни прав, ни обязанностей. Они — вещи, товар, предмет купли-продажи. О каком братском отношении к ближнему здесь можно говорить? Между героями А. Н. Островского — полоса отчуждения, которую порождают «бешеные деньги». Культ золотого тельца, требующий все новых и новых жертв, приводит к тому, что и самые близкие Торцову люди могут быть закланы ради целей дальнейшего обогащения, наживы и приобретения земных благ. Гордей Карпыч хочет выдать свою дочь замуж за старого, но очень богатого купца Коршунова. Тот рисует своей невесте картины роскошной жизни, которая должна будет заменить Любе счастье с любимым человеком.

«Коршунов. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить... А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить...» [2, 155].

На вопрос Любви, а любила ли его покойная жена, которую Коршунов своей ревностью довел до гробовой доски, он совершенно открыто, не церемонясь, излагает свое жизненное кредо: «Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел: спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила... Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал: а мне вот нужно, чтобы меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил» [2, 156].

Так возникает в пьесе мотив поруганной, загубленной красоты, принесенной в жертву золотому тельцу. Он является одним из центральных не только в пьесах А. Н. Островского, но и в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и многих других.

Разрушает эти злые чары «бешеных денег» Любим Торцов, обличающий старого купца в преступлениях против ближних: «Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностью не замучил...» [2, 160].

В облике Любима Торцова проглядывают черты юродства, потому что в том «темном царстве» денег и связанных с ним страстей иной язык вразумления невозможен. И в этом плане герой Островского может быть поставлен в параллель с персонажами Достоевского, например с тем царственным жестом, когда Настасья Филипповна бросает в огонь пачку в сто тысяч рублей. Окружающие ее «друзья» воспринимают героиню как «помешанную», а ведь она только выражает презрение к тем идолам и кумирам, которые победили в светском обществе. Такие понятия христианской морали, как жизнь «по совести», любовь, милосердие, помощь, сострадание и др., вызывают у дельцов только смех и порицание.

В ранней пьесе Островского все заканчивается благополучно. Любим Торцов на коленях умоляет брата

соединить два любящих сердца. Его заключительное слово в пьесе не просто исповедально, оно картинно представляет собой те евангельские истины, которые были развиты в трудах свт. Тихона Задонского.

«Любим Карпыч. Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! И моя слеза до неба дойдет. Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не порок» [2, 163].

Ф. М. Достоевский весьма высоко ценит драматургию Островского. Об этом мы находим свидетельство в письме Ф. М. Достоевского к А. Н. Островскому от 24 августа 1861 г. В нем идет речь о комедии «Женитьба Бальзаминова»:

«Вашего несравненного «Бальзаминова» я имел удовольствие получить третьего дня и тотчас же мы, я и брат, стали читать его. Было и еще несколько слушателей — не столько литераторов, сколько людей со вкусом неиспорченным. Мы все хохотали так, что заболели бока» [3, 391].

Свои впечатления Достоевский передает одним словом: «прелесть». И далее он указывает на типичность воссозданной картины как на нечто целостное, такой кусок русской московской жизни, который войдет в историю, вернее сказать, по которому можно изучать историю. Действие в комедии вертится все в том же кругу тем, что и большинство пьес Островского. Бедный молодой человек ищет себе богатую невесту, причем какие-то личные качества, внешность, свойства характера суженой ему абсолютно безразличны. Что же такого неотразимого привносит в эту тему русский драматург? На наш взгляд, ее острота и актуальность состоят в той шаржированности, в том уровне абсурда, с которым этот сюжет получил свое блестящее художественное воплощение. Обратимся к тексту. Главный герой пьесы Бальзаминов — мечтатель. Мечтает он о крупном капитале, который принес бы ему моментально все земные блага: богатство, славу, почет, подобострастие, — то есть все то, что противно Божьему замыслу о человеке. Островский подчеркивает святоотеческую мысль о том, что не только богачи должны будут дать отчет Богу о своих тратах, но и бедняки, завидующие чужому благополучию и роскоши, стремящиеся любым путем, кроме труда, обрести земные сокровища, не угодны Создателю. И те, и другие будут уравнены в очах Божиих как не исполняющие заповедь нестяжания. Бальзаминов в своих мечтах доходит до того, что хочет жениться сразу на двух невестах с приданым, чтобы начать эксплуатировать чужой достаток.

«Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в ко-

ляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей...

Бальзаминова. Да ты, никак, в самом деле на обеих хочешь жениться?» [2, 322].

В пьесе Островского у матери возникают серьезные опасения за состояние ума «бедного молодого человека», который утверждает: «Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу» [2, 323].

В «Картинах из московской жизни», как сам автор определил жанр своего произведения, встречаются далеко не только пародийные и фарсовые ситуации. Бальзаминов, почувствовавший силу богатства, заявляет своей матери:

«Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами всегда. Вот я какой!» [2, 323].

Тщеславие и чванство героя, претендующего на некие собственные нравственные достоинства, обличают его лицемерие, особенно в связи с образом Мити из пьесы «Бедность не порок». Там положительный герой Островского искренне, органично выполняет Божию заповедь о почитании родителей, о любви к своей матушке, ради которой приносится жертва. Поэтому неслучайно свою пьесу «Женитьба Бальзаминова» Островский не назвал комедией, так как в ней очень многое походит на трагифарс. Возьмем, к примеру, одну из заключительных реплик главного героя. На замечание матери, что «с деньгами-то мы и без ума проживем», он отвечает:

«Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно» [2, 332].

Эта тема всеислия денег, которая с маниакальной настойчивостью все больше завладевает умами молодого поколения, глубоко и всесторонне исследуется и в романе Достоевского «Подросток». Главный герой романа — тоже мечтатель. И мечтает он о том, чтобы стать новым Ротшильдом. Исследователь творчества Ф. М. Достоевского Б. Н. Тарасов по этому поводу пишет следующее:

«В образе Аркадия Долгорукого рельефно воплощена пульсация «темной основы нашей природы», в границах которой направленность воли, особенности характера и своеобразие навязчивой «идеи» соотносятся друг с другом в неразрывном единстве... Затруднения, униженность и оскорбленность юноши обострили в нем эгоистическую гордыню, которая сизмальства впитывалась в его переживания...» [4, 179].

Везде и всюду стать первым в условиях новых общественных отношений человеку помогали деньги.

Подросток откровенничает: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее над миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспир, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, и вот я — бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились» [5, 76–77].

Идея Ротшильда, как ее понимает подросток, состоит в том, чтобы с миллионом в кармане, будучи ничтожеством, стать повелителем мира. (Здесь уместно вспомнить о том, как «миллионщик» Чичиков из «Мертвых душ» Гоголя стал некоторым напоминать Наполеона.) Идея больших денег, как отмечает Достоевский, способствует не только «отъединению» человека от других людей, ближних в христианском понимании, но и возможности отомстить обидчикам. Спасает подростка от окончательного погружения в глубины «темного царства» золотого тельца Макар Долгорукий, живущий по заветам Евангелия. Он представляет собой «луч света» христианской любви в мире, где все воюют против всех. (Оговоримся, что, используя метафоры Добролюбова, мы имеем в виду их иное смысловое наполнение, не социальное, а духовно-нравственное.)

В творчестве Островского этот конфликт двух мировоззрений, миропонимания в целом лежит в основе его художественно мира, но наиболее полно и совершенно он выразился в поздней драме «Бесприданница», которую сам автор считал лучшим своим созданием. Чтобы проанализировать ее в свете христианской аксиологии, необходимо обратиться к учению свт. Тихона Задонского о богатстве и бедности. Не будет преувеличением сказать, что весь спектр пороков, связанных с влиянием денег на человека и отмеченных святителем, нашел свое отражение на страницах этой драмы. Грехи гордости, скупости, самолюбия, роскоши и др. попадают в поле зрения писателя с первых же реплик персонажей. Так, еще до появления на сцене дельцов крупного капитала, высказывается народная точка зрения на их моральный облик. Иван и Гаврила задаются вопросом, отчего это Кнуров все время молчит и не замечает людей вокруг себя. Ответ прост: он миллионер, и непомерная гордыня не позволяет ему видеть в обычных, небогатых людях своих ближних. Ему как бы противостоит Вожеватов, еще не утративший непосредственности в общении с другими. Однако тот же Гаврила предсказывает: «Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; а в лета войдет, такой же идол будет» [6, 425].

Итак, слово найдено: богачи поклоняются деньгам и в конце концов сами требуют поклонения себе как каким-то языческим богам. Сам Кнуров подтверждает это «народное мнение» о себе: «Да, с деньгами можно дела делать, можно. (С улыбкой). Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много» [6, 427]. Действие в пьесе начинает развиваться с сообщения о том, что красавица-бесприданница Лариса Огудалова выходит

замуж за бедного чиновника. Кнуров и Вожеватов по своему увлечены ею. Им жаль расставаться с Ларисой, поскольку она не только красива, но и одарена талантами, хотя и «простовата». Под простотой купцы подразумевают искренность, правдивость, совестливость героини, которые в мире капитала расцениваются как недостаток, как ущербность. Зрители еще не успели познакомиться с героиней, а вокруг нее уже начался торг. Женатый Кнуров высказывает заветное желание: «А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку» [6, 430]. Тема «ярмарки тщеславия» стремительно вторгается в развитие сюжета, захватывая все новых и новых героев. На вопрос Кнурова, не влюблен ли Вожеватов в Ларису — они друзья детства, — тот отвечает: «Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете ли, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил» [6, 430].

Вожеватов лукавит, потому что ему приходила в голову мысль, как воспользоваться Ларисой. Причем красота Ларисы, ее обаяние, непосредственность уже давно превратились в товар на той «ярмарке тщеславия», которую демонстрирует русский купеческий мир. Это почувствовал и жених Ларисы, Карандышев, который из брака с нею тоже хочет извлечь выгоду: натешиться собственной значимостью. Практически все герои драмы — и бедные, и богатые — кружатся в вихре «бешеных денег», которые, по их мнению, могут принести им подлинное счастье. Паратов, пребывающий в маске человека русской широкой души, размахом, удали, вдруг делает признание, которое подчеркивает все его «достоинства»:

«Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски» [6, 442].

Паратов не любит Ларису, но его уязвленное самолюбие требует компенсации, удовлетворения своих капризов любой ценой. Воистину, по свт. Тихону, богатые, «в благополучии и веселости живучи, развратились и, как кони, на своей воле разгулялись и рассвирепели, и погибли...» [1, 275]. Паратов живет по своей, а не Божьей воле, по принципу «все позволено», и этот «веселый барин» переступает через Ларису, как через ненужную вещь. Даже мать бесприданницы видит в дочери лишь способ обогащения, способ окунуться в «роскошную» жизнь. Лариса трагически одинока в драме Островского, и не правы те критики, которые и ее считают частью «темного царства» погони за прибылью. Героиня противостоит этому миру наживы и потребления. После неудачи с Паратовым она мечтает о скромной семейной жизни, которая протекает вдали от города и «кажется каким-то раем». Лариса — добродетельное существо, ее нравственный выбор совершается в системе хри-

стианских координат, хотя она и не произносит пафосных речей. Но в мире «золотого тельца» деньги решают все, Лариса понимает, что обречена:

«Лариса. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее.

Огудалова. Нет, ты не фантазируй! Свадьба так свадьба! Я Огудалова, нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали!

Карандышев. Да и я ничего не пожалую.

Лариса. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите» [6, 454].

Действительно, Лариса-«кукла», человек без души и сердца, без нравственных принципов, вполне бы устроила всех героев драмы. На это они и рассчитывают.

Однако происходит нечто прямо противоположное, об этом свидетельствует развязка драмы. Лариса переживает не только второе предательство Паратова, но и крушение всех своих представлений о добре и зле.

«Паратов. Я обручен.

Лариса. Ах.

Паратов (показывая обручальное кольцо). Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь!

Лариса. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно!» [6, 492].

Лариса близка к самоубийству. Но финал драмы отличен от того, что случилось с Катериной в «Грозе». Островский совершенно сознательно акцентирует христианские мотивы поведения героини перед смертью. В заключительном монологе она отрицает очередное искушение Кнурова, который предлагает ей стать содержанкой. «Роскошь, блеск... нет... нет... я далека от суеты... (Вздрыгнув). Разврат... ох, нет...

Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всеми примириться, всем простить и умереть...» [6, 494].

Сущность монолога состоит в том, что героиня просит у Бога христианской кончины, мирного, всепрощающего отхода в небесные обители, и это ее последнее желание согласуется с идеей свт. Тихона Задонского о нашем истинном небесном Отечестве, где «нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная». Туда необходимо принести духовные

дары и сокровища: любовь, терпение, смирение, кротость, милосердие. И в пьесе эта кончина посылается Ларисе. Ее последние реплики говорят о той высоте духа, которую страдание высеколо из груди бедной бесприданницы. После выстрела в нее Карандышева она благодарит его: «Какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда на стол! Это я сама... сама... Ах, какое благодеяние!» [6, 437].

В последние минуты жизни Лариса, только что говорившая об отвращении к герою, вдруг хочет его вознаградить перед лицом вечности, принимая преступление на себя. В личности героини вдруг начинает проступать свет уже не обычной человеческой любви-страсти, а любви жертвенной, всепримиряющей и всепрощающей:

«Лариса. ...Я ни на кого не жалею, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. (Посылает поцелуй)» [6, 497].

Таким образом, трагическое содержание «Бесприданницы» во многом перекликающееся с романами Достоевского, просветляется лучом Божественной любви, идущим от вечности и от тех духовно-нравственных категорий бытия, которые преодолевают мрачные бездны греха и посрамляют духов тьмы, которые оказались бессильны перед окончательным выбором героини, не сломленной властью древнего идола — золотого тельца — и его служителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. — 826 с.
2. Островский А. Н. Избранные пьесы: В 2 т. / А. Н. Островский. — Т. 1. — М.: Художественная литература, 1972. — 583 с.
3. Достоевский Ф. М. Об искусстве / Ф. М. Достоевский. — М.: Искусство, 1973. — 631 с.
4. Тарасов Б. Н. Tertium non datur: к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе / Б. Н. Тарасов // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. — М.: Индрик, 2017. — С. 153–222.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. Т.— 13.— Л.: Наука, 1975.— 454 с.
6. Островский А. Н. Избранные пьесы: В 2 т. / А. Н. Островский. — Т. 2. — М.: Художественная литература, 1972. — 567 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru